

DOI: 10.17976/jpps/2016.04.07

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ГОЛОСОВАНИЮ. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

С. Митрополитски

МИТРОПОЛИТСКИ Симеон (MITROPOLITSKI Simeon), PhD (University of Montreal, Canada), профессор политологии и методологии Университета Оттавы (Канада). Для связи с автором: simeon.mitropolitski@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 13.01.2016. Принята к публикации: 09.03.2016

Статья написана на основе доклада “Голосование в России. Каков смысл голосования в бессмысленном контексте?”. Доступ: http://www.academia.edu/12530014/Voting_in_Russia_what_is_the_meaning_in_a_meaningless_context_Working_paper_

Аннотация. За последние 15 лет организация *Freedom House* понизила статус политического режима России от “промежуточного” до “консолидированного авторитарного”. Ситуация в сфере политических прав и гражданских свобод с начала 2000-х годов становилась все более неоднозначной, но явка избирателей на федеральных выборах в России в целом осталась на том же уровне. Что же заставляет россиян идти на избирательные участки, при том что явка практически не влияет ни на сменяемость власти, ни на ее решения? В настоящей статье автор отвечает на этот вопрос путем анализа российского общественного мнения, насколько это позволяют данные *World Values Survey*. Исследование выходит за рамки российского кейса и ликвидирует разрыв между статистическим и интерпретационным подходами в политической науке, обогащая культурологические исследования строгостью статистической методологии, а статистику – преимуществами герменевтики. Работа не ограничивается изучением интересов и ожиданий, традиционно занимающих центральное место при объяснении избирательной явки. Автор подобрал ключ к тому, что можно назвать фактором, определяющим голосование – это нечто, концептуально схожее с чувством гражданского долга. Помимо этого, поразительный феномен постоянства явки в России можно объяснить социокультурной значимостью национальной идентификации и национальной гордости. Автор предполагает существование четырех культурных подгрупп, которые рассматривают голосование как проявление: а) доверия сильному политическому лидеру; б) доверия всем государственным учреждениям; в) альтруизма; г) традиционализма.

Ключевые слова: Россия; посткоммунизм; политика; выборы; явка; гражданский долг; герменевтика.

Чем объясняется сохранение высокой явки на российских федеральных выборах в условиях, когда ситуация с политическими правами и гражданскими свободами все сильнее изменяется в сравнении с началом 2000-х годов? Чем обусловлено такое постоянство в электоральном поведении, при том что голосование не приводит к смене власти, а также, по всей видимости, не влияет на проводимую ею политику? Настоящее исследование посвящено этому парадоксальному феномену, объяснение которого могло бы внести вклад в развитие научного знания.

Методологически данная статья отвечает на поставленные вопросы при помощи оригинального интерпретационного анализа имеющейся статистической информации с использованием последних данных *World Values Survey* по России. В отличие от традиционного статистического анализа, сосредото-

ченного на поиске количественных корреляций между переменными, которые представляют оперативные концепции, это исследование прежде всего сфокусировано на возможных значениях, придающих смысл исследуемому феномену. Таким образом, участники опроса становятся своего рода ключами к миру возможных значений, касающихся вопроса исследования. Затем вычленяются специфически российские ключевые элементы путем сопоставления основных полученных результатов с двумя другими примерами постоянства явки избирателей в посткоммунистических странах (Венгрии и Беларуси).

Как показывают полученные результаты, российские граждане объясняют свое электоральное поведение национальной идентичностью и гордостью. Кроме того, они соотносят свою национальную гордость с наличием харизматического лидера, который может действовать без оглядки на парламент и выборы. Отдельно от этого значительное число патриотически настроенных россиян считают свое электоральное поведение отражением доверия общественным и политическим институтам в целом. Еще одно объяснение постоянства явки в России – стремление многих граждан сделать что-то общественно полезное, при этом они недвусмысленно отдают предпочтение демократической политической системе. И, наконец, еще одна подгруппа, демонстрирующая постоянную явку, рассматривает голосование как важную часть своей жизни, обычай, сродни религиозной или семейной традиции. Общий элемент для перечисленных подгрупп – развитые идентичность и чувство национальной гордости. Другие элементы, такие как доверие государственным учреждениям, стремление принести пользу обществу и поддержание важной традиции, не коррелируют друг с другом. По результатам исследования, белорусское общество во многом совпадает с российским, тогда как в Венгрии отсутствуют некоторые важные признаки, например, соотношение национальной гордости с сильным лидером или доверием государственным учреждениям, а также следование традиции.

ВОПРОСЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В течение первого президентского срока Владимира Путина (2000–2004 гг.) страна считалась “частично свободной”, но ее общий рейтинг демократичности по шкале *Freedom House* снизился с 3.5÷4.5 в предыдущие годы до 5.0 в среднем. Во время второго срока Путина (2004–2008 гг.) рейтинг России был понижен до уровня “несвободной” страны со средним демократическим баллом 5.5, который она сохраняла на дату последнего обзора (см. рис. 1).

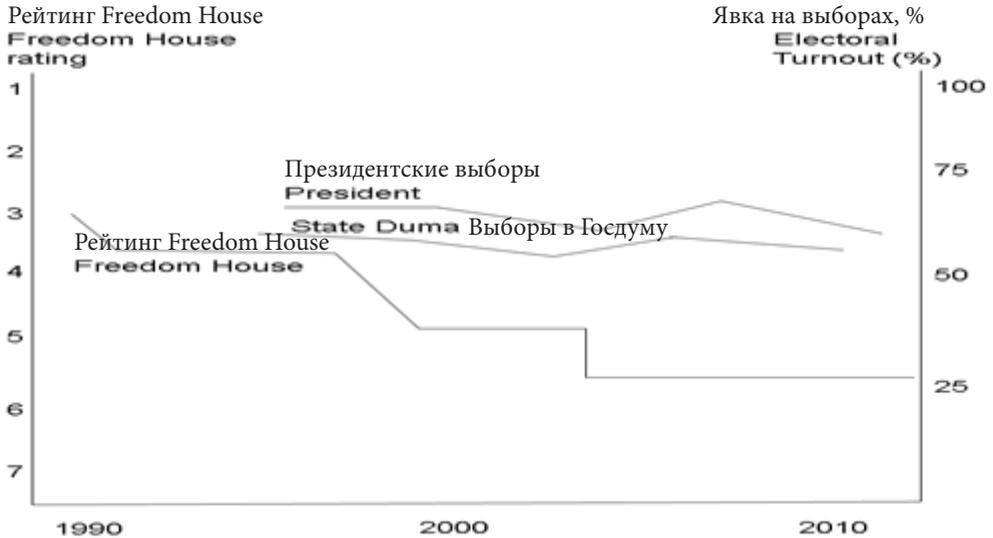
Эта отрицательная демократическая динамика, как ни странно, не препятствовала реализации российскими гражданами политических прав голосования на федеральных выборах. На президентских выборах с 1996 по 2012 г. явка незначительно колебалась в пределах от 64.3% (2004 г.) до 69.7% (2008 г.), на выборах в Государственную Думу в 1995–2011 гг. – в пределах 55.7% (2003 г.) и 63.7% (2007 г.). Неизменная явка – скорее исключение для бывших коммунистических государств Центральной и Восточной Европы, балканских стран и республик бывшего СССР. Как отмечает К. Нортмор-Болл, лишь еще две страны, кроме постсоветской России, из этой группы, насчитывающей 28 государств, именно Беларусь и Венгрия, характеризуются схожим постоянством явки избирателей [Northmore-Ball 2012].

В современной научной литературе не дается удовлетворительного объяснения этого феномена применительно к России. В посткоммунистическом политическом контексте крах избирательной эйфории переходного периода приводит к снижению явки [Kostadinova 2003; Kostadinova, Power 2007;

Расек at al. 2009]. Если это предположение верно, то в России следовало бы по-прежнему говорить о сохраняющейся избирательной эйфории с присущим ей идеализмом, но на самом деле, напротив, для современных российских политических реалий лучше подходит определение *политический цинизм*.

Рисунок 1 (Figure 1)

Политические права и гражданские свободы в России
Political Rights and Civil Liberties in Russia

Источник: World Values Survey, 6th wave. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed 29.04.2016).

В ином ключе постоянство явки объясняют М. Мягков и П. Ордешук, по мнению которых явка избирателей в России частично фальсифицируется властями [Myagkov, Ordeshook 2008]. По другой версии, Кремль стремится продемонстрировать обладание широкой поддержкой электората, поскольку высокий уровень явки обеспечивает политическую легитимность действующим политикам [Czesnik 2006]. В целях повышения политической легитимности своей власти — сначала в этнически смешанных республиках, а затем в сельских и городских поселениях — подбрасывали избирательные бюллетени в урны для голосования и искусственно завышали результаты выборов [Myagkov, Ordeshook 2008]. Эту точку зрения разделяют Р. Гудноу, Р. Мозер и Т. Смит, но лишь в контексте политически нестабильных этнических республик с преобладающим мусульманским населением [Goodnow, Moser, Smith 2014]. М. Бейдер, приводя в качестве примера российские парламентские выборы 2011 г., напротив, утверждает, что масштабы фальсификаций существенно сократились благодаря новым технологиям голосования [Bader 2013]. По мнению автора настоящей статьи, подтасовка цифр — не слишком убедительное объяснение, так как официальные данные об уровне явки в России не сильно расходятся с результатами опросов независимых международных организаций, таких как *World Values Survey*. Если в России и происходят сколько-нибудь масштабные фальсификации, то, скорее всего, не столько в том, что касается явки избирателей в целом, сколько на уровне распределения голосов по партиям или кандидатам.

Б. Бенито и Ф. Бастида придерживаются более традиционного подхода к объяснению флуктуаций избирательной явки, уделяя внимание бюджетной прозрачности, которая, как предполагается, демонстрирует положительную статистическую корреляцию с явкой [Benito, Bastida 2009]. Однако выводы этих ученых базируются на обширной выборке из 41 государства. Насколько точно это объяснение отражает ситуацию в России? Это выглядит достаточно правдоподобно при взгляде на динамику “индекса открытости бюджета”, рассчитываемого Международным бюджетным партнерством¹: Россия переместилась из промежуточной группы стран, в которых власть предоставляет “некоторую информацию о бюджете”, в группу стран, предоставляющих “значительную информацию о бюджете”. Это повышение рейтинга произошло лишь после 2010 г., поэтому нельзя объяснять постоянство явки избирателей в постсоветской России исключительно этим фактором.

Опять же, на более интуитивном уровне С. Бёрч приходит к выводу, что представления о надежности результатов положительно соотносятся с явкой². Надежность здесь определяется в соответствии с международными стандартами и мировыми нормами, регулирующими надлежащее проведение выборов [Norris 2014]. Бёрч также использует широкую выборку из 31 страны, что оставляет открытым вопрос о возможной корреляции между этими переменными для России. В этом вопросе ученые единодушны: в России низкий уровень восприятия выборов как честных [Rose, Mishler 2009; Mcallister, White 2014].

К. Денни и О. Дойл, анализируя политику Великобритании, выдвинули интересную гипотезу, которая связывает постоянство явки с историей голосования. Как следует из результатов их исследования, голосование на одних выборах увеличивает вероятность голосования в последующих выборах на 13% [Denny, Doyle 2009]. Однако авторы не объяснили, в чем смысл такого постоянства для избирателей. Намеренно ли избиратели продолжают подкреплять историю своего участия в выборах, чтобы продемонстрировать свое постоянство? Автоматически ли они следуют одному и тому же паттерну поведения, не придавая этому никакого значения?

Данная статья отвечает на вопрос исследования путем использования инновационного качественного анализа доступной статистической информации по России, содержащейся в серии выпусков *World Values Survey*. В отличие от традиционно используемых методов вертикального статистического анализа, оперирующего агрегированными переменными, я использую метод горизонтального статистического анализа, анализируя динамику возможных наборов ответов как взаимосвязанных культурных систем³. Вместо поиска коэффициентов корреляции между столбцами данное исследование качественно сравнивает и анализирует комбинации ответов у разных групп респондентов, создающих таким образом кластеры определенного смысла. Вместо поиска наиболее статистически значимой переменной, отвечающей за конкретное явление, в этом исследовании изучаются возможные интерпретации, которыми респонденты наделяют свои

¹ International Budget Partnership. 2012. *Open Budget Index*. — URL: <http://internationalbudget.org/opening-budgets/open-budget-initiative/open-budget-survey-2/publications-2/rankings-key-findings/rankings> (access 22.04.2016).

² Birch S. *Perceptions of Electoral Fairness and Voter Turnout. Working Paper No. 3. Perceptions of Electoral Fairness and Voter Turnout*. URL: http://repository.essex.ac.uk/2270/1/3_FairnessTurnout.pdf (accessed 25.05.2016).

³ Вертикальный анализ проводится по исходному или агрегированному массиву данных и заключается в определении удельного веса отдельных позиций в общем балансе, а также в последующем сравнении результата с данными предыдущего периода. Горизонтальный анализ выявляет изменение величин отдельных позиций за определенный период с последующей оценкой этих изменений (*Прим. ред.*).

ответы. Цель состоит не в том, чтобы повернуть рамку данных “набок” и искать ковариации между строками вместо столбцов. Цель — охватить все множество ответов и попытаться дать каждому конкретному ответу интерпретацию, которая будет в наименьшей степени противоречить этому множеству. Я исхожу из посылки, что респонденты — культурные люди, старающиеся быть последовательными, т.е. не противоречить себе, отвечая на разные вопросы.

В отличие от большинства качественных исследований, в этой работе не ведется поиск триангуляции⁴ возможных валидных интерпретаций посредством использования независимых источников информации. Безусловно, такая триангуляция всегда возможна, учитывая обилие этнографического материала по обществам, в которых проводятся статистические опросы. Я намеренно отверг эту возможность, пусть даже такая триангуляция существенно повысит уровень доверия к полученным интерпретационным обобщениям. Опять же, в отличие от других качественных исследований, внутренняя валидация выводов в этой работе невозможна. Такая валидация — этап качественного исследования, при котором ученый возвращается “в поле” и пытается проверить валидность результатов путем опроса респондентов об их собственной интерпретации реальности. Выбор статистических опросов для целей интерпретации делает невозможной идентификацию респондентов, так как эта информация носит конфиденциальный характер.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ

Количественные и качественные исследования исходят из разных предпосылок о социальной реальности, отвечают на разные типы вопросов исследования и проводятся на основании совершенно разных методологических установок.

Что касается предпосылок, количественная методика предполагает одинаковость идентичных действий, которые в некотором смысле сродни природным явлениям. Без такой предпосылки попытка понять эти действия как часть других социальных или частных феноменов была бы безосновательна. Лишь при условии сопоставимости социальной реальности голосование избирателей может коррелировать с социально-экономическими параметрами и психологическими особенностями. Та же предпосылка относится и к независимым переменным. Голосование сегодня, как и сто лет назад, является частью одной и той же модели поведения. Количественная методология онтологически антиисторична и находится в постоянном поиске закономерностей, подобных естественнонаучным. Типичный вопрос в рамках данной методологии: “Что порождает X?”. Обычный протокол включает в себя следующие операции: демонстрацию ковариации, устранение ложных отношений, установление временного порядка событий, поиск и анализ причинно-следственных умозаключений (*inferences*) [Nachmias, Frankfort-Nachmias 1976: 8]. Количественные исследования — часть потенциально безграничной исследовательской программы. Любая установленная причинная зависимость может быть заменена на другую, характеризующуюся более высокой корреляцией и более солидной теоретической базой.

В качественных интерпретационных исследованиях отправная точка — поиск смыслов, считающийся главной и постоянной частью человеческой жизни [Paille, Mucchielli 2010: 25]. В отличие от позитивистского подхода к общественным наукам, при котором последние рассматриваются как применение естественных наук в социальном контексте, герменевтика как философское обоснование

⁴ Здесь — привязки объекта исследования к координатам в некоем исследовательском пространстве, в нашем случае — пространстве данных опроса (*Прим ред.*).

качественных исследований не занимается поиском универсальных законов причинности между социальными явлениями. Вместо этого она ищет интерпретационные решения, чтобы раскрыть мир возможностей. Частная интерпретация не является имманентной частью социального феномена. Таким образом, герменевтика отказывается *a priori* принять одинаковость кажущихся идентичными действий и вместо этого пытается вникнуть в значение этих действий для социальных акторов. Вопрос “почему люди голосуют?” в качественном исследовании заменяется на “что означает голосование для разных людей?”. Вместо того, чтобы фокусироваться на одной или нескольких независимых переменных с высокой корреляционной вариативностью, в качественном исследовании холистически рассматривается мир значимости информантов, в котором ученый старается определить место голосования. Таким образом, исследуемый феномен становится логическим элементом внутри множества значений. Как и количественные исследования, качественные изыскания есть часть потенциально безграничной исследовательской программы. После установления холистического набора значимостей его может заменить еще один, другой, лучше “схватывающий” все множество поведенческих установок и чувств.

Учитывая ограниченность исходной информации для интерпретации, пояснительный анализ статистических блоков данных, к сожалению, будет выглядеть как попытка воссоздать скелет динозавра на основе нескольких костей или восстановить древнюю вазу, исходя лишь из нескольких небольших фрагментов. Здесь я буду придерживаться консервативного подхода, т.е. ограничусь интерпретацией, которая может стать предметом теоретической дискуссии.

Различие между логикой двух методик можно проследить на примере из современной научной литературы. Возьмем типичное исследование с использованием количественной методологии [Blais, St-Vincent 2011], хороший образец количественных социальных исследований. Упомянутая работа, и это важно, содержит анализ фрейма данных, схожего с фреймом, анализировать который собираюсь я. Авторы изучали результаты панельного интернет-опроса, проводившегося в канадских провинциях Британская Колумбия и Квебек в период канадских федеральных выборов в октябре 2008 г., а также в ходе провинциальных выборов в Квебеке в декабре 2008 г. и в Британской Колумбии в мае 2009 г. [ibid: 395]. В указанной работе рассматривается связь между индивидуальными особенностями, политическими взглядами и склонностью принимать участие в голосовании. Вначале устанавливается, что склонность (*popensity*) к голосованию определяется напрямую двумя факторами — политическим интересом и чувством гражданского долга. Затем анализируются индивидуальные особенности (альтруизм, застенчивость, эффективность и конфликтность), которые могут повлиять на уровень политического интереса, гражданского долга и склонности голосовать на выборах. В последней части этого анализа предлагается модель, которая тестируется и статистически подтверждается. В соответствии с этой моделью индивидуальные особенности (личностные черты) опосредованно — через политический интерес и чувство долга — влияют на склонность к голосованию.

Описанный пример представляет собой типичное количественное исследование. Авторы принимают как само собой разумеющееся конкретные характеристики (в данном случае — индивидуальные особенности, отношения, поведение избирателей) и пытаются построить модель, в которой теоретическая обоснованность будет подкрепляться существенной ковариацией. С точки зрения герменевтики, здесь отсутствуют некоторые элементы. Все ли имеющие право голоса в одинаковой мере понимают смысл гражданского долга? Имеет ли голосование равную для них значимость? Являются ли некоторые из личных

качеств, например, альтруизм, герменевтически нейтральными? Иными словами, одинаковы ли причины, побуждающие людей действовать альтруистически? Эти вопросы не ставятся в рамках традиционных количественных исследований, иначе рухнет все здание, казалось бы, одномерного фрейма данных. Зачем нужно знать о существовании сильной положительной корреляции между переменными X и Y , если часть X на самом деле не является частью X , а часть Y — частью Y ? Обычно количественное исследование не проводит критической оценки этих переменных, прежде чем рассматривать их как часть одной и той же группы. Физическая одинаковость поведенческого акта (в данном случае голосования) достаточна для того, чтобы считать все голоса одним классом объектов.

Авторы качественных интерпретационных исследований пытаются критически оценить то, что их коллеги, применяющие количественные методы, принимают как само собой разумеющееся. Первые, вместо того чтобы пытаться установить как можно более сильные ковариации в рамках обоснованных теоретических моделей, ищут возможные расхождения в области значений внутри класса, казалось бы, идентичных понятий, таких как голосование, гражданский долг и альтруизм. Хотя такое качественное прочтение статистических данных выглядит логичным, еще никому не удалось в полной мере продемонстрировать такой подход. Так, комплексный словарь качественных методов и техник [Mucchielli 2009] не упоминает об этой технике. Здесь нет места для рассмотрения причин, по которым качественные исследования до сих пор пренебрегали обширными исходными данными социального знания, накопленными статистикой для количественного анализа. Такое пренебрежение не может быть оправдано тем, что эти исходные данные не предназначались для герменевтического толкования, хотя в этом нет никакого сомнения. Эти исходные данные составляют лишь малую часть социальной реальности, которая изначально не предназначалась для герменевтического толкования, по крайней мере, в рамках позитивистских общественных наук. Тем не менее, качественное исследование стало важным шагом вперед в социальном познании. Я ставлю перед собой еще одну задачу: приступить к выявлению множества значений из позитивистских статистических социальных данных.

Настоящая статья отличается от исследований, в которых используется смешанная методология. Эта методология, как правило, принимает три формы: смешанная модель исследования, смешанные методы исследования и мультиметодный дизайн [Humble 2007]. В рамках смешанной модели опрашивается широкая группа респондентов, с некоторыми из которых проводятся глубинные интервью. При использовании смешанных методов респонденты вначале отвечают на закрытые вопросы, а затем отвечают на любой вопрос своими словами. Мультиметодный дизайн представляет собой исследование из двух отдельных проектов, которые отличаются по типу вопросов, методологии (количественная или качественная) и выборке респондентов. Таким образом, все три варианта применения смешанной методологии предполагают отдельное использование количественных и качественных методов анализа. Настоящее исследование, напротив, ищет значения, находящиеся в самом фрейме статистических данных, а не на его полях, где респонденты предоставляют расширенные ответы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Предположения относительно постоянства явки в России были проверены автором при помощи информации, извлеченной из шестой волны исследования *World Values Survey* (см. табл. 1, а также Приложение 1).

Проверка гипотез об устойчивости моделей явки на выборы в России
Testing Hypotheses on Persistent Voting Turnout in Russia

Вопросы (World Values Survey, шестая волна, Россия)	v227: Голосование на выборах федерального уровня ("Всегда" – 41,8%), %	(χ^2)	P нагрузка (dF=1)
v7 ("Очень важное")	60,6	0.62 ÷ 0.89	0.35 ÷ 0.43
v51 ("Полностью согласен")	38,9	0.14 ÷ 0.15	0.70 ÷ 0.71
v62 ("Защита свободы слова")	50,1	0.33 ÷ 0.39	0.53 ÷ 0.57
v72 ("Очень похоже на меня")	48,8	0.29 ÷ 0.33	0.56 ÷ 0.59
v74 ("Очень похоже на меня")	57,1	0.54 ÷ 0.73	0.39 ÷ 0.46
v76 ("Очень похоже на меня")	37,4	0.21 ÷ 0.23	0.63 ÷ 0.65
v77 ("Очень похоже на меня")	58,7	0.58 ÷ 0.81	0.37 ÷ 0.47
v79 ("Очень похоже на меня")	55,2	0.49 ÷ 0.64	0.42 ÷ 0.50
v84 ("Очень заинтересован")	58,8	0.58 ÷ 0.81	0.37 ÷ 0.45
v108 ("Очень доверяю")	51,5	0.38 ÷ 0.46	0.50 ÷ 0.54
v109 ("Очень доверяю")	55,9	0.50 ÷ 0.64	0.42 ÷ 0.48
v115 ("Очень доверяю")	55,6	0.50 ÷ 0.66	0.42 ÷ 0.48
v116 ("Очень доверяю")	48,6	0.30 ÷ 0.33	0.57 ÷ 0.59
v118 ("Очень доверяю")	51,3	0.37 ÷ 0.45	0.50 ÷ 0.54
v128 ("Очень плохо")	51,5	0.38 ÷ 0.46	0.50 ÷ 0.54
v143 ("Часто")	53,2	0.43 ÷ 0.55	0.46 ÷ 0.51
v211 ("Очень горжусь")	58,6	0.57 ÷ 0.80	0.37 ÷ 0.45
v212 ("Полностью согласен")	53,0	0.42 ÷ 0.54	0.46 ÷ 0.52
v213 ("Полностью согласен")	54,9	0.48 ÷ 0.63	0.42 ÷ 0.49
v214 ("Полностью согласен")	47,8	0.25 ÷ 0.29	0.59 ÷ 0.61
v251 ("Очень заинтересован")	49,0	0.30 ÷ 0.34	0.56 ÷ 0.58

* $\chi^2 = (\text{higher value} - \text{lower value})^2 / \text{higher value} \div (\text{higher value} - \text{lower value})^2 / \text{lower value}$.

Источник: World Values Survey, 6th wave. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed 29.04.2016).

Из многочисленных ответов на вопросы исследования *World Values Survey* автор поместил в первый столбец те ответы, которые, как правило, предполагают определенную корреляцию с поведением избирателей. Точная формулировка этих вопросов приведена в Приложении 1 (в конце данной публикации. – *Прим ред.*). Во втором столбце указана относительная частота этих ответов. Третий и четвертый столбцы показывают уровни вероятности того, что разница между поведением избирателей при наличии или отсутствии ответов в первом столбце обусловлена простой случайностью. Эта вероятность измеряется величиной *P*, колеблющейся от 0 до 1; таким образом, более низкие значения *P* означают более значимую корреляцию между переменными в первом столбце и поведением избирателей. Уровень значимости для одной конкретной переменной соотносится с уровнем нагрузки всех переменных. Таким образом, ответ "очень похоже на меня" на вопрос v77 (значение $P = 0.37 \div 0.47$) представляет собой более значимую корреляцию, чем ответ "очень похоже на меня" на вопрос v79 (значение $P = 0.42 \div 0.50$), но менее значимую, чем ответ "очень важно" на вопрос v7 (значение $P = 0.35 \div 0.43$).

Как видно из табл. 1, по крайней мере 21 переменная, в основном независимые друг от друга, устанавливают сильную корреляцию с электоральным поведением на федеральных выборах в России. Эти переменные могут быть интерпретированы следующим образом:

– Голосование представляет собой специфическую деятельность для тех, кто считает, что политика играет важную роль в их жизни, или для тех, кто заявляет о своем интересе к политике в целом (v7, v84). В случаях положи-

тельного ответа на общее заявление с высокой вероятностью подразумевается утвердительный ответ на вопрос об электоральном поведении.

– Голосование представляет особый случай, когда респондент считает себя нравственным и альтруистическим человеком (v74, v77, v143). Аналогичным образом утвердительный ответ на общее заявление с высокой вероятностью предопределяет утвердительный ответ на вопрос об электоральном поведении.

– Стабильность явки может рассматриваться как проявление закрепленного традицией консервативного стремления избежать рисков (v72, v76, v79). При такой трактовке активные избиратели считают себя связанными этой моделью вне непосредственного рационального контекста.

– Голосование свидетельствует о значительном уровне доверия к государственным институтам в целом. Как следствие, регулярно голосующие избиратели должны в равной степени доверять и другим государственным институтам, как политическим, так и неполитическим (v108, v109, v115, v116, v118).

– Голосование представляет собой стремление не допустить возможного перехода политической власти к неизбранным технократам (v128). В отличие от других групп значимости здесь избиратели мобилизуются не ради достижения каких-либо положительных результатов, а для предотвращения нежелательных.

– Голосование – проявление определенной идентичности, глобальной, национальной и / или локальной (v212, v213, v214), а также демонстрация групповой гордости, например, национальной (v211).

Поскольку мы установили эти значимые корреляции в виде смысловых кластеров, в качестве следующего шага предстоит понять, независимы они друг от друга или же представляют различные аспекты одного явления. Иными словами, вопрос заключается в том, например, пересекается ли высокий уровень доверия к публичным институтам со стремлением не допустить, чтобы политическая власть перешла к неизбранным технократам. Если все смысловые кластеры, помимо наличия значительной корреляции с электоральным поведением, являются лишь эпифеноменами, что подразумевает их сильную положительную корреляцию между собой, можно сделать вывод, что все они представляют собой единый и неделимый доказательный комплекс относительно задачи исследования. Если же они (или по крайней мере некоторые из них) не показывают положительной взаимной корреляции, справедливо будет считать, что загадка постоянства явки в России может иметь различные и одинаково правдоподобные объяснения с культурной точки зрения, при этом независимые друг от друга. Результаты этого анализа всех коррелирующих переменных представлены в Приложении 2. Корреляции являются положительными (*Y*), отрицательными (*N*) или неустановленными (?), что определяется при фильтрации исходной корреляции между конкретной переменной и электоральным поведением через вторую переменную.

Среди 464 бинарных переменных незначительно преобладают те, которые не демонстрируют сильной корреляции (169), за ними следуют группы с существенной (158) и неустановленной (137) корреляциями. Таким образом, среди всех переменных, существенно коррелирующих с электоральным поведением, некоторым более свойственно пересекаться с другими переменными, тогда как другие практически не показывают такого пересечения помимо электорального поведения. Переменные v211 и v214, отражающие сильную положительную корреляцию почти с любой другой переменной, будут, предположительно, располагаться намного ближе к показателю электорального поведения. Напротив, переменные v62 и v63 должны оказаться дальше всех

от локуса исследования, так как они имеют наименьшие шансы показать положительную корреляцию с большинством других переменных. Переменные v108, v109, v115 и v118 лежат между этими двумя экстремумами.

Что касается главной задачи исследования, то выводы, которые можно сделать из анализа Приложения 2, таковы: (1) существует базовая культурная связь между признанием респондентов своей национальной идентичности, национальной гордости и постоянными показателями явки; (2) высокие показатели национальной гордости положительно коррелируют с наличием сильного политического лидера, который может действовать без оглядки на парламент и выборы (v127), но отрицательно коррелируют с принятием решений экспертами-технократами (v128); (3) высокие показатели национальной гордости положительно коррелируют с доверием в отношении к государственным институтам (v108, v109, v115, v116 и v118); эта сильная уверенность указывает на существенную корреляцию с мнением, что армия представляет собой лучшую модель государственной власти (v129); (4) наблюдается положительная корреляция между постоянными высокими показателями явки и желанием принести пользу обществу (v74), которое, в свою очередь, коррелирует с идеей верховенства экспертов-технократов (v128) и мнением о демократическом управлении как лучшем способе организации государственной власти (v130); (5) существует положительная корреляция между постоянством явки и стремлением ничего не менять в окружающем мире (v72), в котором поддерживаются традиции (v79), что опять же положительно коррелирует с идеей верховенства экспертов (v128) и поддержкой демократического правления (v130). Резюмируя предварительные ключевые пункты, загадку постоянства явки избирателей в России можно объяснить, указав, прежде всего, на принципиальную значимость национальной самоидентификации. Исходя из этого, четыре независимых подгруппы предполагают наличие соответствующих культурных страт, которые понимают голосование как форму доверия сильному политическому лидеру, публичным институтам в целом, как общественно полезное деяние или, наконец, как способ защиты традиционной социальной среды.

74

Чтобы определить, имеют ли обозначенные выводы исключительно российскую специфику или каким-либо образом связаны с устойчивостью явки в контексте всех посткоммунистических государств, я протестировал полученные результаты на данных двух других стран, демонстрирующих нетипично стабильные показатели высокой явки – Беларуси и Венгрии [Northmore-Ball 2012]. Источником исходных данных, как и в российском кейсе, стала шестая волна *World Values Survey*. В Беларуси респонденты показали в целом одинаковое с россиянами распределение ответов. Помимо национальной самоидентификации и гордости, высокая активность белорусских избирателей обусловлена личностью сильного политического лидера, высоким доверием к институтам, социальным альтруизмом и традиционализмом. Незначительное расхождение между двумя странами отмечается лишь в части распространения социального альтруизма на форму политического правления. Российские респонденты проявляют симпатии к демократическому и экспертному правлению; в Беларуси демократическая цель гораздо менее четко выражена, а влиянием экспертов явно пренебрегают.

Что касается Венгрии, чувство национальной идентичности и национальной гордости здесь также существенно коррелирует у респондентов с высоким постоянством явки, однако венгры не связывают свою идентичность и гордость с сильным политическим лидером, который может действовать без оглядки на парламент и выборы. Отношение к государственным институтам у венгерских респондентов менее однозначное, они доверяют лишь некоторым из них. Уровень социального альтруизма в Венгрии высок, но это не

связано ни с демократической целью, ни с решающим влиянием экспертов. Наконец, для венгров следование традиции не является причиной регулярности участия в голосовании. Таким образом, общим для всех трех примеров — России, Беларуси и Венгрии — можно считать интенсивное переживание национальной идентичности и чувства гордости, определенного доверия к публичным институтам, а также развитое чувство социального альтруизма.

Для проверки модели на ложность позитивных значений корреляции необходимо протестировать ее элементы на случайно выбранных посткоммунистических странах, демонстрирующих снижение активности избирателей. Для обоснования верности модели по крайней мере некоторые из этих элементов должны отсутствовать или показывать отрицательную динамику в странах с сокращающейся явкой. Автор выбрал в качестве таких примеров Азербайджан, Эстонию и Грузию, первые три в алфавитном порядке, по которым доступны данные в рамках шестой волны *World Values Survey* (за исключением Беларуси) и показывающих снижение явки избирателей на национальных выборах⁵. Как и в случае России, во всех трех странах отмечены значительные положительные корреляции между голосующими респондентами и теми, кто гордится своей национальной (гражданской) принадлежностью. Напротив, уровень доверия госучреждениям у голосующих более активно респондентов в Грузии отличается незначительно, но в случае Азербайджана и Эстонии расхождение существенно. В части социального альтруизма между голосующими и неголосующими грузинами не наблюдается заметной разницы, а в Азербайджане и Эстонии ситуация обратная. Во всех трех странах зафиксирована некоторая положительная корреляция между явкой избирателей и заявленным уровнем традиционализма. Отсутствие такового в Венгрии и его наличие в Азербайджане, Грузии и Эстонии дополнительно подтверждает тот факт, что приверженность традиции не может быть частью объяснительной модели постоянства явки.

Таким образом, новая объяснительная модель имеет много общего с концепцией А. Блеза о гражданском долге как определяющем факторе для явки избирателей [Blais 2000; Blais, Rubenson 2013]. Данная детерминанта почти не рассматривается в рамках модели рационального выбора при голосовании, которая вместо этого акцентирует внимание на затратах, выгодах, институциональных стимулах и недостатках того или иного политика, партии и / или политической платформы. Впрочем, Блез не дает прямого определения гражданского долга. Тем не менее в описанном им социальном контексте, в котором реализуется этот долг, почти не остается места для двусмысленного толкования; эта концепция олицетворяет собой общественное давление, в силу которого определенное поведение становится обязательным, даже если это не закреплено юридически. По этой причине для Блеза уровень гражданского долга соизмерим со степенью вины, которую избиратели испытывают, когда не следуют своему долгу. Это чувство — прямой результат действия социальной нормы в форме фрейдистского суперэго. Люди голосуют независимо от их непосредственного вознаграждения с точки зрения выгоды. Их главная компенсация — добровольное предотвращение невыносимого чувства вины.

В *World Values Survey* не содержится вопроса, который мог бы прояснить чувства неголосующих респондентов, чтобы в реальном времени отследить уровень испытываемого ими социального воздействия. Вместе с тем, есть другой аналитический метод, позволяющий сделать вывод, что культурная модель, объясняющая постоянство явки в России, содержит элементы, кото-

⁵ IDEA — International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 2015. URL: <http://www.idea.int/index.cfm> (accessed 05.05.2016).

Россия сегодня рые выходят за рамки механизма суперэго. Альтруизм, стремление принести пользу обществу независимо от материальной компенсации вкуче с доверием госучреждениям и желанием предотвратить трансформацию социальной среды – культурные ключи к разгадке феномена постоянства явки в России. Среди них особое место занимает альтруизм, побуждающий граждан приподняться над интересами своего узкого “приходского” круга и совершить что-то, касающееся более высокого уровня, нечто политически значимое. Этот долг не рассматривается как результат внешнего давления, в противном случае он быстро бы растворился в море общественного цинизма. А в результате это привело бы к эффекту, противоположному сохранению относительно высокой явки. Этот гражданский долг в сочетании с доверием к обществу главным образом понимается как нечто, идущее изнутри, таким образом, электоральное поведение – одно из его внешних физических проявлений.

ВЫВОДЫ

76 Россияне демонстрируют постоянство высокой явки на национальных выборах (и президентских, и парламентских), поскольку они считают голосование важным способом принести пользу обществу, принадлежностью к которому они гордятся. Такое поведение не требует материальной компенсации с точки зрения конкретной государственной политики. Это не гражданский долг в смысле обязательства, которое большинство исполняет лишь под социальным давлением. Как ни странно, многие российские граждане пользуются этим инструментом, чтобы доказать себе и другим, что они принадлежат к одному политическому сообществу и являются альтруистами. Альтруизм здесь – синоним нравственности. Для целей данного исследования не существенно, удобно ли такое поведение для власти в Кремле и насколько это может быть удобно. На текущий момент может показаться, что стабильная явка избирателей подтверждает популярность режима среди населения в целом. Однако данное исследование приходит к совершенно иному выводу. Вместо пассивного населения, голосующего из социального конформизма, российский народ представляет собой активное нравственное большинство, заботящееся о своей стране до такой степени, что оно готово к устойчивым иррациональным поступкам, основанным на внутреннем убеждении.

Приложение 1 (Appendix 1)

Вопросы обследования (World Values Survey, шестая волна, Россия)

Survey Questions (World Values Survey, 6th wave, Russia)

v7 – Укажите, насколько важное место в Вашей жизни занимает политика (очень важно; скорее важно; не очень важно; совсем не важно).

v51 – В целом, мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины (полностью согласен; согласен; не согласен; абсолютно не согласен).

v62, v72, v74, v76, v77, v79 – см. методологию исследования.

v84 – Насколько Вас интересует политика? Она вас... (очень интересует; скорее, интересует; не очень интересует; совсем не интересует).

Вопросы о доверии разным организациям (v108, v109, v115, v116, v118; полностью доверяю; доверяю в некоторой степени; не очень доверяю; совсем не доверяю):

v108 – Насколько Вы доверяете церкви?

v109 – Насколько Вы доверяете вооруженным силам?

v115 – Насколько Вы доверяете правительству (в столице вашей страны)?

v116 – Насколько Вы доверяете политическим партиям?

v118 – Насколько Вы доверяете государственным учреждениям (чиновникам)?

v128 – Насколько хорошая для Вашей страны политическая система, когда не правительство, а эксперты принимают решения (очень хорошая; скорее хорошая; скорее плохая; очень плохая).

v143 – Как часто задумываетесь Вы о смысле жизни (часто; иногда; редко; никогда)?

v211 – Насколько Вы гордитесь тем, что Вы – россиянин (очень горжусь; скорее, горжусь; не очень горжусь; абсолютно не горжусь; я не россиянин)?

Вопросы о согласии / несогласии с утверждениями об отношении к стране и миру: (v212, v213, v214; совершенно согласен; скорее, согласен; скорее, не согласен; абсолютно не согласен):

v212 – Я считаю себя гражданином мира.

v213 – Я считаю себя частью моего местного сообщества.

v214 – Я считаю себя россиянином (частью [страны] нации).

v251 – Наблюдения интервьюера. Степень интереса респондента (было очень интересно; был некоторый интерес; было совсем неинтересно).

Приложение 2 (Appendix 2)

Корреляции между культурными интерпретациями устойчивой электоральной явки в России
Correlations Among Cultural Understandings on Persistent Voting Turnout in Russia

	v7	v51	v62	v63	v64	v72	v74	v76	v77	v79	v84	v108	v109	v115	v116	v118	v128	v143	v211	v212	v214	v251
v7	-	N	?	N	N	?	Y	?	?	?	Y	?	Y	Y	Y	Y	?	?	Y	Y	?	Y
v51	N	-	N	N	?	Y	N	Y	Y	Y	N	N	N	N	N	?	?	?	Y	Y	?	N
v62	?	N	-	?	Y	N	?	?	N	N	?	N	N	?	N	?	N	?	?	N	?	N
v63	N	N	?	-	Y	N	?	?	N	?	?	N	N	?	N	N	N	?	?	?	Y	N
v64	N	?	Y	Y	-	N	?	N	Y	N	N	N	N	?	N	N	N	N	Y	Y	Y	?
v72	?	Y	N	N	N	-	Y	?	Y	Y	?	N	N	N	Y	N	?	?	?	?	N	Y
v74	Y	N	?	?	?	Y	-	Y	Y	Y	Y	?	?	N	?	N	?	Y	Y	Y	Y	Y
v76	?	Y	?	?	N	?	Y	-	N	?	?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	Y	?
v77	?	Y	N	N	Y	Y	Y	N	-	Y	?	N	Y	N	N	N	N	?	?	N	Y	Y
v79	?	Y	N	?	N	Y	Y	?	Y	-	?	Y	Y	N	N	N	N	Y	Y	Y	?	Y
v84	Y	N	?	?	N	?	Y	?	?	?	-	?	?	?	Y	?	N	Y	Y	N	Y	Y
v108	?	N	N	N	N	N	?	N	N	Y	?	-	Y	Y	Y	Y	?	Y	Y	N	Y	N
v109	Y	N	N	N	N	N	?	N	Y	Y	?	Y	-	Y	Y	Y	N	N	Y	N	Y	N
v115	Y	N	?	N	?	N	N	N	N	N	?	Y	Y	-	Y	Y	N	N	Y	N	Y	N
v116	Y	N	N	N	N	Y	?	N	N	N	Y	Y	Y	Y	-	Y	?	N	Y	N	?	N
v118	Y	?	?	N	N	N	N	N	N	?	Y	Y	Y	Y	-	?	N	Y	?	?	?	N
v128	?	?	N	N	N	?	?	N	N	N	N	?	N	N	?	?	-	?	N	N	?	Y
v143	?	?	?	?	N	?	Y	N	?	Y	Y	Y	N	N	N	N	?	-	?	Y	Y	Y
v211	Y	Y	?	?	Y	?	Y	N	?	Y	Y	Y	Y	Y	Y	Y	?	?	-	Y	Y	Y
v212	Y	Y	N	?	Y	?	Y	N	N	Y	N	N	N	N	N	?	N	Y	Y	-	Y	?
v214	?	?	?	Y	Y	N	Y	Y	Y	?	Y	Y	Y	Y	?	?	?	Y	Y	Y	-	?
v251	Y	N	N	N	?	Y	Y	?	Y	Y	Y	N	N	N	N	N	Y	Y	Y	?	?	-

Source: World Values Survey, 6th wave. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (accessed 29.04.2016). Вопросы см. Приложение (Appendix)

Перевод с английского С.В. Чугрова

- Benito B., Bastida F. 2009. Budget Transparency, Fiscal Performance, and Political Turnout: An International Approach. — *Public Administration Review*. Vol. 69. No. 3 (May/June). P. 403-417. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-6210.2009.01988.x>
- Blais A. 2000. *To Vote or Not To Vote? The Merits and Limits of Rational Choice*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 208 p.
- Blais A., St.-Vincent S. 2011. Personality Traits, Political Attitudes, and the Propensity to Vote. — *European Journal of Political Research*. No. 50. P. 395-417. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01935.x>
- Blais A., Rubenson D. 2013. The Source of Turnout Decline: New Values or New Contexts? — *Comparative Political Studies*. No. 46. P. 95-117. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0010414012453032>
- Czesnik M. 2006. Voter Turnout and Democratic Legitimacy in Central Eastern Europe. — *Polish Sociological Review*. No. 4. Vol.156. P. 449-470.
- Denny K., Doyle O. 2009. Does Voting History Matter? Analysing Persistence in Turnout. — *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 1. P. 17-35. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00355.x>
- Goodnow R., Moser R., Smith T. 2014. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia. — *Electoral Studies*. No. 36. P. 15-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>
- Humble A. 2007. *An Introduction to Mixed Method Research*. URL: https://www.academia.edu/1476796/An_introduction_to_mixed_methods_research (accessed 05.05.2016).
- Kostadinova T. 2003. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe. — *European Journal of Political Research* Vol. 42. No. 6. P. 741-759. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1475-6765.00102>
- Kostadinova T., Power T.J. 2007. Does Democratization Depress Participation? Voter Turnout in the Latin American and Eastern European Transitional Democracies. — *Political Research Quarterly*. Vol. 60. No. 3. P. 363-377. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1065912907304154>
- Mcallister I., White S. 2015. Electoral Integrity and Support for Democracy in Belarus, Russia, and Ukraine. — *Journal of Elections, Public Opinion and Parties* Vol. 25. No. 1. P. 78-96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17457289.2014.911744>
- Mucchielli A. 2009. *Dictionnaire des méthodes qualitatives en sciences humaines*. Paris: Armand Colin. 280 p.
- Myagkov M., Ordeshook P. 2008. Russian Elections: An Oxymoron of Democracy. The National Council for Eurasian and East European Research. URL: http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (accessed 05.05.2016).
- Nachmias D., Frankfort-Nashmias C. 1976. *Research Methods in the Social Sciences*. N.Y.: St. Martin's Press. 335 p.
- Norris P. 2014. *Why Electoral Integrity Matters*. N.Y.: Cambridge University Press. 298 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781107280861>
- Northmore-Ball K. 2012. *Increasing Turnout Inequality in Post-Communist Eastern Europe: Economic Disengagement or a Progression to Normalcy?* URL: <http://www.sociology.ox.ac.uk/documents/epop/papers/Paper%20202%20Turnout%20Decline%20in%20Post4.pdf> (accessed 05.05.2016).
- Pacek A., Pop-Eleches G., Tucker J.A. 2009. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries. — *The Journal of Politics*. Vol. 71. No. 2. P. 473-491. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022381609090409>
- Paille P., Mucchielli A. 2010. *L'analyse qualitative en sciences humaines et sociales*. Paris: Armand Colin. P. 424 p.
- Rose R., Mishler W. 2009. How Do Electors Respond to an “Unfair” Election? The Experience of Russians. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25. No. 2. P. 118-136. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1060-586X.24.2.118>

DOI: 10.17976/jpps/2016.04.07

INTERPRETATIVE APPROACH TOWARDS VOTING BEHAVIOR. EVIDENCE FROM RUSSIA

S. Mitropolitski¹

¹University of Ottawa. Ottawa, Canada

MITROPOLITSKI Simeon, PhD in Political Science from the University of Montreal, Canada, Professor of Political Science and methodology at the University of Ottawa, Canada. Email: simeon.mitropolitski@gmail.com

Received: 13.01.2016. Accepted: 09.03.2016

The article is based on the report “Voting in Russia, what is the Meaning in a Meaningless Context?”. URL: http://www.academia.edu/12530014/Voting_in_Russia_what_is_the_meaning_in_a_meaningless_context_Working_paper_

Abstract. In the last 15 years Freedom House has downgraded Russia’s status from “intermediate” into “consolidated authoritarian” political regime. Despite its gradual sliding in terms of political rights and civil liberties since early 2000s, the country did not witness any significant change, either upward or downward, in terms of voting turnout in the federal elections. Why people vote in Russia after all, a country where voting does neither change the government nor seems to influence its decisions? This paper answers the question by analyzing Russian public opinion expressed within the frame of the World Values Survey. Beyond the specific Russian case, this research bridges the gap existing between statistical and interpretative approaches in political science. It provides cultural studies the rigidity of statistical methodology, and statistics the richness of hermeneutics. Going beyond citizens’ interests and expectations, traditionally at the center of voting turnout explanation, this study finds clues to something conceptually very close to the sense of civic duty as a voting determinant. In addition to this, the puzzling phenomenon of persistent voting behavior in Russia can be explained in terms of cultural significance of the national belonging and pride. On this rather large foundation four independent from one another additions suggest the existence of cultural sub-groups that understand voting as a sign of: confidence toward the strong political leader, confidence toward all public institutions, altruism, and, lastly, traditionalism.

Keywords: Russia; post-communism; politics; election; turnout; civic duty; hermeneutics.

References

- Bader M. Do New Voting Technologies Prevent Fraud? Evidence from Russia. *USENIX Journal of Election Technology and Systems (JET/S)*. 2013. Vol. 2. No.1. URL: https://www.usenix.org/system/files/jets/issues/0201/jets_0201-bader.pdf (accessed 06.05.2016).
- Benito B., Bastida F. Budget Transparency, Fiscal Performance, and Political Turnout: An International Approach. — *Public Administration Review*. 2009. Vol. 69. No. 3 (May/June). P. 403–417. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-6210.2009.01988.x>
- Blais A. *To Vote or Not To Vote? The Merits and Limits of Rational Choice*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2000. 208 p.
- Blais A., St.-Vincent S. Personality Traits, Political Attitudes, and the Propensity to Vote. — *European Journal of Political Research*. 2011. No. 50. P. 395–417. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01935.x>
- Blais A., Rubenson D. The Source of Turnout Decline: New Values or New Contexts? — *Comparative Political Studies*. 2013. No. 46. P. 95–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0010414012453032>
- Czesnik M. Voter Turnout and Democratic Legitimacy in Central Eastern Europe. — *Polish Sociological Review*. 2006. No. 4. Vol.156. P. 449–470.
- Denny K., Doyle O. Does Voting History Matter? Analysing Persistence in Turnout. — *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. No. 1. P. 17–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00355.x>
- Goodnow R., Moser R., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia. — *Electoral Studies*. 2014. No. 36. P. 15–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>
- Humble A. *An Introduction to Mixed Method Research*. 2007. URL: https://www.academia.edu/1476796/An_introduction_to_mixed_methods_research (accessed 05.05.2016).
- Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe. — *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 42. No. 6. P. 741–759. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1475-6765.00102>
- Kostadinova T., Power T.J. Does Democratization Depress Participation? Voter Turnout in the Latin American and Eastern European Transitional Democracies. — *Political Research Quarterly*. 2007. Vol. 60. No. 3. P. 363–377. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1065912907304154>
- Mcallister I., White S. Electoral Integrity and Support for Democracy in Belarus, Russia, and Ukraine. — *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 78–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17457289.2014.911744>
- Mucchielli A. *Dictionnaire des méthodes qualitatives en sciences humaines*. Paris: Armand Colin. 2009. 280 p.
- Myagkov M., Ordeshook P. Russian Elections: An Oxymoron of Democracy. The National Council for Eurasian and East European Research. 2008. URL: http://www.ucis.pitt.edu/nceer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (accessed 05.05.2016).
- Nachmias D., Frankfort-Nachmias C. *Research Methods in the Social Sciences*. N.Y.: St. Martin’s Press. 1976. 335 p.
- Norris P. *Why Electoral Integrity Matters*. N.Y.: Cambridge University Press. 2014. 298 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781107280861>
- Northmore-Ball K. *Increasing Turnout Inequality in Post-Communist Eastern Europe: Economic Disengagement or a Progression to Normalcy?* 2012. URL: <http://www.sociology.ox.ac.uk/documents/epop/papers/Paper%202%20Turnout%20Decline%20in%20Post4.pdf> (accessed 05.05.2016).

Pacek A., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries. — *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71. No. 2. P. 473-491. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022381609090409>

Paille P., Mucchielli A. *L'analyse qualitative en sciences humaines et sociales*. Paris: Armand Colin. 2010. P. 424 p.

Rose R., Mishler W. How Do Electors Respond to an “Unfair” Election? The Experience of Russians. — *Post-Soviet Affairs*. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 118-136. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1060-586X.24.2.118>

Extended abstract. In the last 15 years Freedom House has downgraded Russia’s status from “intermediate” into “consolidated authoritarian” political regime. Despite its gradual sliding in terms of political rights and civil liberties since the early 2000s, the country did not witness any significant change, either upward or downward, in terms of voting turnout in the federal elections, either for President or for the lower house of parliament. Why people keep voting in Russia within little margins after all? What is the meaning of voting if it does neither fundamentally change the government nor seems to dramatically influence its decisions? When voting turnout presents puzzles, the literature usually looks for explanations in different directions: from mass electoral frauds to sudden improvement in governmental performance. The main problem with all these explanations lies in the fact that, usually, they are not tailored to any specific national case. Ecological fallacy may lead to wrong conclusions about individual cases based on inference from correct statements about the entire group. Thus, when the usual arguments are put to the test in the case of Russia, we may find serious theoretical mistakes or shortcomings in any of them. Instead of deductively testing general hypotheses on a specific case, wouldn’t it be more appropriate to inductively build theoretical framework based on existing data? From a theoretical point of view, induction provides a good starting point for investigating new phenomena or for investigating old phenomena in a new context.

80 This paper answers the research question by analyzing Russian public opinion expressed within the frame of the last available data from World Values Survey (2011-2014), a multinational and multi-wave study on different social attitudes since the early 1980s, some dealing with political system. Beyond the specific Russian case, this research is another brick that bridges the gap existing between statistical and interpretative approaches in political science. It provides cultural studies the rigidity of statistical methodology, and statistics the richness of hermeneutics. Reaching beyond citizens’ material interests and expectations, which traditionally are at the center of voting turnout explanation, this study finds clues to something conceptually very close to the sense of civic duty as a voting incentive. The main difference between the traditional sense of civic duty and the meaning of voting in Russia lies in the fact that Russian citizens do not consider voting as an order mainly coming from above or from outside, but from inside, from their intimate sense of doing what is right. In general terms, the puzzling phenomenon of persistent voting behavior in Russia can be explained in terms of cultural significance of the national belonging and pride. On this a rather large foundation four independent from one another add-ons suggest the existence of cultural sub-groups that understand voting as a sign of: 1) confidence toward the strong political leader, 2) confidence toward all public institutions, 3) altruism, and, lastly, 4) traditionalism.